

Francesca Lazzarin

“Всех выкинуло из воды на берег”. Предисловие к дневнику Славы Сергеева (март-май 2022 г.)

‘Everyone Was Thrown Out of the Water and Onto the Shore’. An Introduction to the Diary of Slava Sergeev (March-May 2022)

* * *

Московский прозаик Слава Сергеев начал писать свой *Дневник* в России осенью 2021 года, когда, по его собственным словам, он почувствовал острую необходимость “защититься от волны ежедневной лжи”. Хотя в его рассказах и повестях всегда фигурировала явная автобиографическая подоплёка, на написание настоящего эго-документа он решился только тогда, когда в родной стране всё чаще стала звучать ура-патриотическая риторика, навязываться квазисоветская правительственная идеология, исказиться память о травмах и ужасах советской эпохи, ужесточиться цензура и репрессии, вплоть до того, что оппозиционно настроенные граждане начали испытывать страх даже тогда, когда “ничего особенного не говорили” (в чём, если процитировать самого Сергеева, заключается первопричина его эмиграции).

Словом, ведение *Дневника* началось накануне полномасштабной войны России против Украины – трагедии, уже ставшей частью учебников по истории. Но записи стали особенно частыми как раз в марте 2022 года: ведь писатель, подобно другим своим коллегам и соотечественникам, эмигрировал в Израиль. Именно фрагменты из этого пока неизданного *эмигрантского дневника*, написанные с марта по май прошлого года, опубликованы ниже. Автор дневника находится за рубежом, и в новом для себя контексте старается ответить на вопрос, уже заданный в одном из самых знаменитых стихотворений поэта Георгия Иванова, уехавшего из советской России сто лет назад: “Но объясни, что стало с нами, и отчего я эмигрант?”. Желание понять, почему огромное количество российских граждан оказалось в таком положении, ощущается чуть ли не в каждой записи.

Перед нами – весьма разнообразные страницы дневника, где можно заметить типичные черты и того, что исследователи эго-документов называют *journal intime*, и того, что принято считать *journal extime*: богатое фактическими деталями повествование о

поездках, прогулках, встречах и других повседневных делах чередуется с описанием внутреннего состояния, рефлексией, самоанализом, как будто автор проходит психотерапевтический сеанс у самого себя – что, впрочем, является и визитной карточкой художественной манеры Сергеева в принципе. Записи то короткие, то длинные; иногда они заключаются в маленьких зарисовках, в центре которых – один впечатляющий эпизод и/или лаконичный комментарий, почти в анекдотическом ключе; иногда речь идёт о полноценных рассказах, с подробными диалогами и с длинными отступлениями, которые действительно напоминают рассказы и повести автора. Разумеется, время от времени не могут не всплывать ретроспективные воспоминания о Москве, начиная с описания отъезда, которое по-своему очень близко предыдущим *московским текстам* Сергеева, с их сильно выраженным *автобиогеографическим* элементом в форме глубокого внутреннего переживания внешнего, городского пространства, связанного со множеством жизненных перипетий.

Само собой понятно, важнейшее место занимает, так сказать, *русский Иерусалим* – своеобразный пример среды *русского зарубежья*, одновременно похожего и непохожего на свои многочисленные аналоги прошлого и настоящего, среди вечных споров о том, кто виноват и что делать (если словами автора, это подобно “Кирсанову и Базарову на Титанике”), попыток как-нибудь устроиться, планов на будущее и химер. Представители большой русской и русско-еврейской диаспоры тоже не так сильно отличаются от героев *московских* произведений Сергеева: независимо от того, когда они переехали в Израиль (сейчас ли, в 2014 году, или лет двадцать тому назад), они интеллигентные люди со своими достоинствами и недостатками, которые автор замечает не без иронии и, что важнее, самоиронии, поскольку он в конце концов такой же, как они, и тоже страдает от “неврозов, которые несут черты своего времени”.

Ближневосточный пейзаж, со своей стороны, нередко вызывает ассоциации с Крымом, где писатель часто жил в начале нынешнего столетия: неслучайно, встречи и беседы с друзьями и знакомыми на таком фоне выглядят как программная переключка с рассказами из сборника *Уроки каллиграфии в зимнем Крыму* (2016), действие которых происходит на рубеже нулевых и 2010-х. Только тогда речь шла об отдыхе и о временном пребывании, а теперь мы имеем дело с эмиграцией и со странным, подвешенным состоянием на бесспорную перспективу. Правда, эмигрант эмигранту рознь: кто-то

покинул страну только ради удобства и собственных финансовых интересов (достаточно упомянуть соседа автора в самолёте); кто-то уже понял несколько лет назад, куда идёт политика Кремля; кто-то искренне верит, что Израиль – это земля предков, и чувствует себя там дома, несмотря на все чёрные страницы истории и современности еврейского государства. Как ему вообще свойственно, Сергеев никого не осуждает несмотря на своё несомненное остроумие: он слушает и слышит, фиксирует происходящее, даёт всем выразиться, так как он не чувствует себя ни морализатором, ни пророком, а скорее пристрастным свидетелем и включенным наблюдателем – и он этого не скрывает.

Единственное, что он не может скрыть – это чувство вины перед украинскими беженцами, которые тоже были вынуждены эмигрировать в Израиль, причём по ещё более трагичным причинам. У беженцев травма потери и гнев, у эмигрантов (или *релокантов*, если употреблять модный, отчасти лицемерный эвфемизм нашего времени) – так называемая *травма свидетеля*, шок, стыд, страх: честный разговор с беженкой из Одессы, который приведён в *Дневнике*, – очень яркий тому пример.

Пока Сергеев сочинял свои дневниковые записи, он думал, что когда-нибудь, наверное, они будут изданы, но не ожидал, что это произойдет так скоро: впрочем, некоторые дневники более известных представителей предыдущих волн *русского зарубежья* дошли до читателей в период, когда временное расстояние уже позволяло смотреть на описанные события с некоей аналитической дистанции. И временного расстояния, и аналитической дистанции в данном случае меньше: всё было написано и будет прочитано *по горячим следам*, почти как репортаж о наиболее актуальных вопросах нашего времени (хотя дневник, разумеется, в большей степени субъективный, нежели чистая журналистика – можно было бы его сравнить скорее с мемуарами-репортажами, столь популярными в мировой литературе XXI века).

Это обусловлено и тем, что в дневнике очень живо изображены не только русская и украинская диаспора, но и израильское общество, со всеми его противоречиями, а также с его внутренним напряжением: говорят сами за себя и впечатления автора об арабском районе Восточного Иерусалима, и новости о терактах, и опыт девушки-баристки с казахскими корнями, которая служит в армии и скептически относится к заключению мира с палестинцами. В конечном итоге, несмотря на название этой подборки дневниковых

записей (*Где ты был, Адам? В эмиграции, Господи, не на войне*), автор оказался на войне: война в Израиле, разумеется, который год идёт в более или менее латентном виде, но её новая фаза, наступившая 7 октября 2023 года, поразила весь мир своей жестокостью и отсутствием, по всей видимости, какого-либо перспективного пути для урегулирования конфликта.

Таким образом, Сергеев в своём *Дневнике* затрагивает ключевые события наших дней, переживает их, размышляет над ними – и читатель имеет возможность это сделать вместе с ним. Безусловно, “весь мир сошёл с ума, и мы здесь не спрячемся”, тем не менее “главное, что может сделать писатель в нынешней ситуации – это записывать”: так или иначе, остаётся многовековая, терапевтическая функция письма и чтения.